

ЛУЧШИЕ СТИХИ О ЛЮБВИ

М. Лермонтов • А. Фет • Ф. Тютчев
Н. Гумилев • В. Брюсов • С. Черный
С. Есенин • А. Блок • К. Бальмонт • А. Белый
О. Мандельштам • М. Цветаева
А. Ахматова

библиотека лучшей поэзии

Библиотека лучшей поэзии

Николай Гумилев
Лучшие стихи о любви

«ФТМ»
«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Гумилев Н. С.

Лучшие стихи о любви / Н. С. Гумилев — «ФТМ»,
«Издательство АСТ», 2018 — (Библиотека лучшей поэзии)

ISBN 978-5-17-110653-9

Сколько слов, стихов, песен сложено о любви! Чувстве, которое близко людям всех поколений, чувстве, которое будоражит кровь и разум, чувстве, которое рождает потрясающие по своей силе строки и метафоры... Любовная лирика – пожалуй, один из самых красивых жанров, по сути это сама жизнь, переданная автором в образах и строфах. Именно со стихотворений о любви чаще всего начинается творческий путь поэта, становление его рифмы и слога. XIX–XX вв. подарил нам прекрасные образцы любовной лирики: стихотворения М. Лермонтова и Ф. Тютчева, А. Блока и К. Бальмонта, М. Цветаевой и А. Ахматовой и многих других. Их строфы стали романсами и песнями, разлетелись на цитаты, вырастили поколение людей, влюбленных в поэзию и литературу. В этом сборнике собраны знаковые стихи о любви тринадцати авторов, которые подарили русской и мировой литературе настоящие поэтические шедевры.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-17-110653-9

© Гумилев Н. С., 2018
© ФТМ, 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ	7
К Сушковой	7
К***	8
К себе	9
Раскаянье	10
К Н.И...	11
«Поцелуями прежде считал...»	12
Время сердцу быть в покое	13
К*	14
К*	15
«Она не гордой красотою...»	17
«Как луч зари, как розы Леля...»	18
«Она была прекрасна, как мечта...»	19
«Она поет – и звуки тают...»	20
«Я не хочу, чтоб свет узнал...»	21
«Как небеса твой взор блистает...»	22
«Они любили друг друга так долго и нежно*...»	23
«Из-под таинственной, холодной полумаски...»	24
Тамара	25
«Нет, не тебя так пылко я люблю...»	27
Афанасий Афанасьевич ФЕТ	28
«На заре ты ее не буди...»	28
«Не отходи от меня...»	29
«Я пришел к тебе с приветом...»	30
«О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной...»	31
«Когда мечтательно я предан тишине...»	32
«Шепот, робкое дыханье...»	33
«Какое счастье: и ночь, и мы одни...»	34
«В темноте, на треножнике ярком...»	35
«Вчера я шел по зале освещенной...»	36
Старые письма	37
«Если ты любишь, как я, бесконечно...»	38
«Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали...»	39
«Я тебе ничего не скажу...»	40
«Долго снились мне вопли рыданий твоих...»	41
«Нет, я не изменил. До старости глубокой...»	42
На качелях	43
Фёдор Иванович ТЮТЧЕВ	44
К N.N	44
«В душном воздуха молчанье...»	45
«Люблю глаза твои, мой друг...»	46
«Еще томлюсь тоской желаний...»	47
«Не говори: меня он, как прежде, любит...»	48
Последняя любовь	49
«О, как убийственно мы любим...»	50
«Я очи знал, – о, эти очи...»	52

«О, не тревожь меня укорой справедливой...»	53
«Не раз ты слышала признание...»	54
Предопределение	55
«Она сидела на полу...»	56
«Весь день она лежала в забытии...»	57
«Я встретил вас – и все былое...»	58
Николай Степанович ГУМИЛЁВ	59
«С тобой я буду до зари...»	59
Отказ	61
Заклинание	62
Перчатка	63
Свидание	64
Сомнение	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

М. Ю. Лермонтов

Лучшие стихи о любви

© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»

© ООО «Издательство АСТ»

Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ
(1814 –1841)
Замечательный русский поэт, драматург,
прозаик, классик русской литературы

К Сушковой

Вблизи тебя до этих пор
Я не слышал в груди огня.
Встречал ли твой прелестный взор —
Не билось сердце у меня.

И что ж? – разлуки первый звук
Меня заставил трепетать;
Нет, нет, он не предвестник мук;
Я не люблю – зачем скрывать!

Однако же хоть день, хоть час
Еще желал бы здесь пробыть,
Чтоб блеском этих чудных глаз
Души тревоги усмирить.

1830

К***

Не ты, но судьба виновата была,
Что скоро ты мне изменила,
Она тебе прелести женщин дала,
Но женское сердце вложила.

Как в море широком следы челнока,
Мгновенье его впечатленья,
Любовь для него, как веселье, легка,
А горе не стоит мгновенья.

Но в час свой урочный узнает оно
Цепей неизбежное бремя.
Прости, нам расстаться теперь суждено,
Расстаться до этого время.

Тогда я опять появлюсь пред тобой,
И речь моя ум твой встревожит,
И пусть я услышу ответ роковой,
Тогда ничего не поможет.

Нет, нет! милый голос и пламенный взор
Тогда своей власти лишатся;
Вослед за тобой побежит укор,
И в душу он будет впиваться.

И мщенье, напомнив, что я перенес,
Уста мои к смеху принудит,
Хоть эта улыбка всех, всех твоих слез
Гораздо мучительней будет.

1830–1831

К себе

Как я хотел себя уверить,
Что не люблю ее, хотел
Неизмеримое измерить,
Любви безбрежной дать предел.

Мгновенное пренебреженье
Ее могущество опять
Мне доказало, что влечение
Души нельзя нам побеждать;

Что цепь моя несокрушима,
Что мой теперешний покой
Лишь глас залетный херувима
Над сонной демонов толпой.

1830–1831

Раскаянье

К чему мятежное роптанье,
Укор владеющей судьбе?
Она была добра к тебе,
Ты создал сам свое страданье.
Бессмысленный, ты обладал
Душою чистой, откровенной,
Всеобщим злом не зараженной,
И этот клад ты потерял.

Огонь любви первоначальной
Ты в ней решился зародить
И далее не мог любить,
Достигнув цели сей печальной.
Ты презрел все; между людей
Стоишь, как дуб в стране пустынной,
И тихий плач любви невинной
Не мог потрясть души твоей.

Не дважды бог дает нам радость,
Взаимной страстью веселя;
Без утешения, томя,
Пройдет и жизнь твоя, как младость.
Ее лобзанье встретишь ты
В устах обманщицы прекрасной;
И будут пред тобой всечасно
Предмета первого черты.

О, вымоли ее прощенье,
Пади, пади к ее ногам,
Не то ты пригодишь сам
Свой ад, отвергнув примиренье,
Хоть будешь ты еще любить,
Но прежним чувствам нет возврат у,
Ты вечно первую утрату
Не будешь в силах заменить.

1830–1831

К Н.И...

Я не достоин, может быть,
Твоей любви: не мне судить;
Но ты обманом наградила
Мои надежды и мечты,
И я всегда скажу, что ты
Несправедливо поступила.
Ты не коварна, как змея,
Лишь часто новым впечатленьям
Душа вверяется твоя.
Она увлечена мгновеньем;
Ей милы многие, вполне
Еще никто; но это мне
Служить не может утешеньем.
В те дни, когда, любим тобой,
Я мог доволен быть судьбой,
Прощальный поцелуй однажды
Я сорвал с нежных уст твоих;
Но в зной, среди степей сухих,
Не утоляет капля жажды.
Дай бог, чтоб ты нашла опять,
Что не боялась потерять;
Но... женщина забыть не может
Того, кто так любил, как я;
И в час блаженнейший тебя
Воспоминание встревожит!
Тебя раскаянье кольнет,
Когда с насмешкой проклянет
Ничтожный мир мое названье!
И побоишься защитить,
Чтобы в преступном состраданье
Вновь обвиняемой не быть!

1831

«Поцелуями прежде считал...»

Поцелуями прежде считал
 Я счастливую жизнь свою,
Но теперь я от счастья устал,
 Но теперь никого не люблю.

И слезами когда-то считал
 Я мятежную жизнь мою,
Но тогда я любил и желал —
 А теперь никого не люблю!

И я счет своих лет потерял,
 И я крылья забвенья ловлю:
Как я сердце унести бы им дал!
 Как бы вечность им бросил мою!

1832

Время сердцу быть в покое

Время сердцу быть в покое
От волненья своего
С той минуты, как другое
Уж не бьется для него;
Но пускай оно трепещет —
То безумной страсти след:
Так все бурно море плещет,
Хоть над ним уж бури нет!

Неужли ты не видала
В час разлуки роковой,
Как слеза моя блистала,
Чтоб упасть перед тобой?
Ты отвергнула с презреньем
Жертву лучшую мою,
Ты боялась сожаленьем
Воскресить любовь свою.

Но сердечного недуга
Не смогла ты утаить;
Слишком знаем мы друг друга,
Чтоб друг друга позабыть.

Так расселись под громами,
Видел я, в единый миг
Пощаженные веками
Два утеса береговых;
Но приметно сохранила
Знаки каждая скала,
Что природа съединила,
А судьба их развела.

1832

К*

Оставь напрасные заботы,
Не обнажай минувших дней;
В них не откроешь ничего ты,
За что б меня любить сильнее!
Ты любишь – верю – и довольно;
Кого – ты ведать не должна;
Тебе открыть мне было б больно,
Как жизнь моя пуста, черна.
Не погублю святое счастье
Такой души и не скажу,
Что недостоин я участия,
Что сам ничем не дорожу;
Что все, чем сердце дорожило,
Что для него страданье мило,
Как спутник, собственность иль брат,
Промолвив ласковое слово,
В награду требуй жизнь мою;
Но, друг мой, не проси бывшего,
Я мук своих не продаю.

1832

К*

Я не унижусь пред тобою;
Ни твой привет, ни твой укор
Не властны над моей душою.
Знай: мы чужие с этих пор.

Ты позабыла: я свободы
Для заблужденья не отдам;
И так пожертвовал я годы
Твоей улыбке и глазам,

И так я слишком долго видел
В тебе надежду юных дней
И целый мир возненавидел,
Чтобы тебя любить сильнее.

Как знать, быть может, те мгновенья,
Что протекли у ног твоих,
Я отнимал у вдохновенья!
А чем ты заменила их?

Быть может, мыслию небесной
И силой духа убежден,
Я дал бы миру дар чудесный,
А мне за то бессмертье он?

Зачем так нежно обещала
Ты заменить его венец,
Зачем ты не была сначала,
Какою стала наконец!

Я горд! – прости! люби другого,
Мечтай любовь найти в другом;
Чего б то ни было земного
Я не соделаюсь рабом.

К чужим горам, под небом юга
Я удалюсь, может быть;
Но слишком знаем мы друг друга,
Чтобы друг друга позабыть.

Отныне стану наслаждаться
И в страсти стану клясться всем;
Со всеми буду я смеяться,
А плакать не хочу ни с кем;

Начну обманывать безбожно,
Чтоб не любить, как я любил —
Иль женщин уважать возможно,
Когда мне ангел изменил?

Я был готов на смерть и муку
И целый мир на битву звать,
Чтобы твою младую руку —
Безумец! – лишний раз пожать!

Не зная коварную измену,
Тебе я душу отдавал;
Такой души ты знала ль цену?
Ты знала – я тебя не знал!

1832

«Она не гордой красотою...»

Она не гордой красотою
Прельщает юношей живых,
Она не водит за собою
Толпу вздыхателей немых.
И стан ее не стан богини,
И грудь волною не встает,
И в ней никто своей святыни,
Припав к земле, не признает.
Однако все ее движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты.
Но голос в душу проникает,
Как вспоминанье лучших дней,
И сердце любит и страдает,
Почти стыдясь любви своей.

1832

«Как луч зари, как розы Леля...»

Как луч зари, как розы Леля,
Прекрасен цвет ее ланит;
Как у мадоны Рафаэля
Ее молчанье говорит.
С людьми горда, судьбе покорна,
Не откровенна, не притворна,
Нарочно, мнилось, она
Была для счастья создана.
Но свет чего не уничтожит?
Что благородное снесет,
Какую душу не сожмет,
Чье самолюбье не умножит?
И чьих не обольстит очей
Нарядной маскою своей?

1832

«Она была прекрасна, как мечта...»

Она была прекрасна, как мечта
Ребенка под светилом южных стран;
Кто объяснит, что значит красота:
Грудь полная иль стройный, гибкий стан,
Или большие очи? – но порой
Все это не зовем мы красотой:
Уста без слов – любить никто не мог;
Взор без огня – без запаха цветов!

О небо, я клянусь, она была
Прекрасна!.. я горел, я трепетал,
Когда кудрей, сбегаящих с чела,
Шелк золотой рукой своей встречал,
Я был готов упасть к ногам ее,
Отдать ей волю, жизнь, и рай, и все,
Чтоб получить один, один лишь взгляд
Из тех, которых все блаженство – яд!

1832

«Она поет – и звуки тают...»

Она поет – и звуки тают
Как поцелуи на устах,
Глядит – и небеса играют
В ее божественных глазах;

Идет ли – все ее движенья,
Иль молвит слово – все черты
Так полны чувства, выраженья,
Так полны дивной простоты.

1837

«Я не хочу, чтоб свет узнал...»

Я не хочу, чтоб свет узнал
Мою таинственную повесть;
Как я любил, за что страдал,
Тому судья лишь бог да совесть!..

Им сердце в чувствах даст отчет,
У них попросит сожаленья;
И пусть меня накажет тот,
Кто изобрел мои мученья;

Укор невежд, укор людей
Души высокой не печалит;
Пускай шумит волна морей,
Утес гранитный не повалит;

Его чело меж облаков,
Он двух стихий жилец угрюмый.
И, кроме бури да громов,
Он никому не вверит думы...

1837

«Как небеса твой взор блистает...»

Как небеса твой взор блистает
Эмалью голубой,
Как поцелуй, звучит и тает
Твой голос молодой;

За звук один волшебной речи,
За твой единый взгляд
Я рад отдать красавца сечи,
Грузинский мой булат;

И он порою сладко блещет,
И сладостней звучит,
При звуке том душа трепещет
И в сердце кровь кипит.

Но жизнью бранной и мятежной
Не тешусь я с тех пор,
Как услышал твой голос нежный
И встретил милый взор.

1837

«Они любили друг друга так долго и нежно*...»

Они любили друг друга так долго и нежно¹,
С тоской глубокой и страстью безумно-мятежной!
Но, как враги, избегали признанья и встречи,
И были пусты и хладны их краткие речи.

Они расстались в безмолвном и гордом страданье
И милый образ во сне лишь порою видали.
И смерть пришла: наступило за гробом свиданье...
Но в мире новом друг друга они не узнали.

1841

¹ Они любили друг друга, но ни один не другому желал признаться в этом. **Гейне** (нем.).

«Из-под таинственной, холодной полумаски...»

Из-под таинственной, холодной полумаски
Звучал мне голос твой, отрадный, как мечта,
Светили мне твои пленительные глазки
И улыбались лукавые уста.

Сквозь дымку легкую заметил я невольно
И девственных ланит и шеи белизну.
Счастливец! видел я и локон своевольный,
Родных кудрей покинувший волну!

И создал я тогда в моем воображенье
По легким признакам красавицу мою;
И с той поры бесплотное виденье
Ношу в душе моей, ласкаю и люблю.

И все мне кажется: живые эти речи
В года минувшие слышал когда-то я;
И кто-то шепчет мне, что после этой встречи
Мы вновь увидимся, как старые друзья.

1841

Тамара

В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на черной скале.

В той башне высокой и тесной
Царица Тамара жила:
Прекрасна, как ангел небесный,
Как демон, коварна и зла.

И там сквозь туман полуночи
Блистал огонек золотой,
Кидался он путнику в очи,
Манил он на отдых ночной.

И слышался голос Тамары:
Он весь был желанье и страсть,
В нем были всеильные чары,
Была непонятная власть.

На голос невидимой пери
Шел воин, купец и пастух;
Пред ним отворялися двери,
Встречал его мрачный евнух.

На мягкой пуховой постели,
В парчу и жемчуг убрана,
Ждала она гостя. Шипели
Пред нею два кубка вина.

Сплетались горячие руки,
Уста прилипали к устам,
И странные, дикие звуки
Всю ночь раздавались там.

Как будто в ту башню пустую
Сто юношей пылких и жен
Сошлись на свадьбу ночную,
На тризну больших похорон.

Но только что утра сиянье
Кидало свой луч по горам,
Мгновенно и мрак и молчанье
Опять воцарялися там.

Лишь Терек в теснине Дарьяла
Гремя нарушал тишину;
Волна на волну набегала,
Волна погоняла волну;

И с плачем безгласное тело
Спешили они унести;
В окне тогда что-то белело,
Звучало оттуда: прости.

И было так нежно прощанье,
Так сладко тот голос звучал,
Как будто восторги свиданья
И ласки любви обещал.

1841

«Нет, не тебя так пылко я люблю...»

Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье:
Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взором,
Таинственным я занят разговором,
Но не с тобой я сердцем говорю.

Я говорю с подругой юных дней,
В твоих чертах ищу черты другие,
В устах живых – уста давно немые,
В глазах – огонь угаснувших очей.

1841

Афанасий Афанасьевич ФЕТ
(1820–1892)

Русский поэт-лирик, переводчик, мемуарист

«На заре ты ее не буди...»

На заре ты ее не буди,
На заре она сладко так спит;
Утро дышит у ней на груди,
Ярко пышет на ямках ланит.

И подушка ее горяча,
И горяч утомительный сон,
И, чернеясь, бегут на плеча
Косы лентой с обеих сторон.

А вчера у окна ввечеру
Долго-долго сидела она
И следила по тучам игру,
Что, скользя, затевала луна.

И чем ярче играла луна,
И чем громче свистал соловей,
Все бледней становилась она,
Сердце билось больней и больней.

Оттого-то на юной груди,
На ланитах так утро горит.
Не буди ж ты ее, не буди...
На заре она сладко так спит!

1842

«Не отходи от меня...»

Не отходи от меня,
Друг мой, останься со мной.
Не отходи от меня:
Мне так отрадно с тобой...

Ближе друг к друг у, чем мы, —
Ближе нельзя нам и быть;
Чище, живее, сильней
Мы не умеем любить.

Если же ты – предо мной,
Грустно головку склоня, —
Мне так отрадно с тобой:
Не отходи от меня!

1842

«Я пришел к тебе с приветом...»

Я пришел к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало;

Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой;

Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришел я снова,
Что душа все так же счастью
И тебе служить готова;

Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что буду
Петь – но только песня зреет.

1843

«О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной...»

О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной,
Коварный лепет твой, улыбку, взор случайный,
Перстам послушную волос густую прядь
Из мыслей изгонять и снова призывать;
Дыша порывисто, один, никем не зримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
В словах, которые произносила ты:
Шептать и поправлять былые выраженья
Речей моих с тобой, исполненных смущенья,
И в опьянении, наперекор уму,
Заветным именем будить ночную тьму.

1844

«Когда мечтательно я предан тишине...»

Когда мечтательно я предан тишине
И вижу кроткую царицу ясной ночи,
Когда созвездия заблещут в вышине
И сном у Аргуса начнут смыкаться очи,

И близок час уже, условленный тобой,
И ожидание с минутой возрастает,
И я стою уже безумный и немой,
И каждый звук ночной смущенного пугает;

И нетерпение сосет больную грудь,
И ты идешь одна, украдкой, озираясь,
И я спешу в лицо прекрасное взглянуть,
И вижу ясное, – и тихо улыбаюсь,

Ты на слова любви мне говоришь «люблю!»,
А я бессвязные связать стараюсь речи,
Дыханьем пламенным дыхание ловлю,
Целую волоса душистые и плечи,

И долго слушаю, как ты молчишь, – и мне
Ты предаешься вся для страстного лобзанья, —
О друг, как счастлив я, как счастлив я вполне!
Как жить мне хочется до нового свиданья!

1847

«Шепот, робкое дыханье...»

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья.

Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца.
Ряд волшебных изменений
Милого лица.

В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!

1850

«Какое счастье: и ночь, и мы одни...»

Какое счастье: и ночь, и мы одни!
Река – как зеркало и вся блестит звездами;
А там-то... голову закинь-ка да взгляни:
Какая глубина и чистота над нами!

О, называй меня безумным! Назови
Чем хочешь; в этот миг я разумом слабею
И в сердце чувствую такой прилив любви,
Что не могу молчать, не стану, не умею!

Я болен, я влюблен; но, мучась и любя —
О слушай! о пойми! – я страсти не скрываю,
И я хочу сказать, что я люблю тебя —
Тебя, одну тебя люблю я и желаю!

1854

«В темноте, на треножнике ярком...»

В темноте, на треножнике ярком
Мать варила черешни вдали...
Мы с тобой отворили калитку
И по темной аллее пошли.

Шли мы розно. Прохлада ночная
Широко между нами плыла.
Я боялся, чтоб в помысле смелом
Ты меня упрекнуть не могла.

Как-то странно мы оба молчали
И странней сторонились прочь...
Говорила за нас и дышала
Нам в лицо благовонная ночь.

1856

«Вчера я шел по зале освещенной...»

Вчера я шел по зале освещенной,
Где так давно встречались мы с тобой.
Ты здесь опять! Безмолвный и смущенный,
Невольно я поникнул головой.

И в темноте тревожного сознания
Былые дни я различил едва,
Когда шептал безумные желанья
И говорил безумные слова.

Знакомыми напевами томимый,
Стою. В глазах движение и цветы —
И кажется, летя под звук любимый,
Ты прошептала кротко: «Что же ты?»

И звуки те ж, и те ж благоуханья,
И чувствую — пылает голова,
И я шепчу безумные желанья
И лепечу безумные слова.

1858

Старые письма

Давно забытые, под легким слоем пыли,
Черты заветные, вы вновь передо мной
И в час душевных мук мгновенно воскресили
Все, что давно-давно утрачено душой.

Горя огнем стыда, опять встречают взоры
Одну доверчивость, надежду и любовь,
И задушевных слов поблекшие узоры
От сердца моего к ланитам гонят кровь.

Я вами осужден, свидетели немые
Весны души моей и сумрачной зимы.
Вы те же светлые, святые, молодые,
Как тот ужасный час, когда прощались мы.

А я доверился предательскому звуку, —
Как будто вне любви есть в мире что-нибудь! —
Я дерзко оттолкнул писавшую вас руку,
Я осудил себя на вечную разлуку
И с холодом в груди пустился в дальний путь.

Зачем же с прежнею улыбкой умиления
Шептать мне о любви, глядеть в мои глаза?
Души не воскресит и голос всепрощенья,
Не смоем этих строк и жгучая слеза.

1859

«Если ты любишь, как я, бесконечно...»

Если ты любишь, как я, бесконечно,
Если живешь ты любовью и дышишь,
Руку на грудь положи мне беспечно:
Сердца биенья под нею услышишь.

О, не считай их! в них, силой волшебной,
Каждый порыв переполнен тобою;
Так в роднике за струею целебной
Прядает влага горячей струею.

Пей, отдавайся минутам счастливым,—
Трепет блаженства всю душу обнимет;
Пей – и не спрашивай взором пытливым,
Скоро ли сердце иссякнет, остынет.

1859

«Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали...»

Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали
Лучи у наших ног в гостиной без огней.
Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали,
Как и сердца у нас за песнею твоей.

Ты пела до зари, в слезах изнемогая,
Что ты одна – любовь, что нет любви иной,
И так хотелось жить, чтоб, звука не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

И много лет прошло, томительных и скучных,
И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь,
И веет, как тогда, во вздохах этих звучных,
Что ты одна – вся жизнь, что ты одна – любовь,

Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца, и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой!

1877

«Я тебе ничего не скажу...»

Я тебе ничего не скажу,
Я тебя не встревожу ничуть,
И о том, что я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.

Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рошу зайдет,
Раскрываются тихо листы,
И я слышу, как сердце цветет.

И в больную усталую грудь
Веет влагой ночной... Я дрожу.
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебе ничего не скажу.

1885

«Долго снились мне вопли рыданий твоих...»

Долго снились мне вопли рыданий твоих, —
То был голос обиды, бессилия плач;
Долго, долго мне снился тот радостный миг,
Как тебя умолил я – несчастный палач.

Проходили года, мы умели любить,
Расцветала улыбка, грустила печаль;
Проносились года, – и пришлось уходить:
Уносило меня в неизвестную даль.

Подала ты мне руку, спросила: «Идешь?»
Чуть в глазах я заметил две капельки слез;
Эти искры в глазах и холодную дрожь
Я в бессонные ночи навек перенес.

1886

«Нет, я не изменил. До старости глубокой...»

Нет, я не изменил. До старости глубокой
Я тот же преданный, я раб твоей любви,
И старый яд цепей, отрадный и жестокий,
Еще горит в моей крови.

Хоть память и твердит, что между нас могила,
Хоть каждый день бреду томительно к другой, —
Не в силах верить я, чтоб ты меня забыла,
Когда ты здесь, передо мной.

Мелькнет ли красота иная на мгновенье,
Мне чудится, вот-вот тебя я узнаю;
И нежности былой я слышу дуновение,
И, содрогаясь, я пою.

1887

На качелях

И опять в полусвете ночном
Средь веревок, натянутых туго,
На доске этой шаткой вдвоем
Мы стоим и бросаем друг друга.

И чем ближе к вершине лесной,
Чем страшнее стоять и держаться,
Тем отрадней взлетать над землей
И одним к небесам приближаться.

Правда, это игра, и притом
Может выйти игра роковая,
Но и жизнью играть нам вдвоем —
Это счастье, моя дорогая!

1890

Фёдор Иванович ТЮТЧЕВ
(1803–1873)

**Русский поэт-мыслитель, лирик, дипломат, член-
корреспондент Петербургской академии наук**

К N.N

Ты любишь, ты притворствовать умеешь, —
Когда в толпе, украдкой от людей,
Моя нога касается твоей —
Ты мне ответ даешь – и не краснеешь!

Все тот же вид рассеянный, бездушный,
Движенье персей, взор, улыбка та ж...
Меж тем твой муж, сей ненавистный страж,
Любуется твоей красой послушной.

Благодаря и людям и судьбе,
Ты тайным радостям узнала цену,
Узнала свет: он ставит нам в измену
Все радости... Измена льстит тебе.

Стыдливости румянец невозвратный,
Он улетел с твоих молодых ланит —
Так с юных роз Авроры луч бежит
С их чистою душою ароматной.

Но так и быть! в палящий летний зной
Лестней для чувств, приманчивей для взгляда
Смотреть в тени, как в кисти винограда
Сверкает кровь сквозь зелени густой.

1829

«В душном воздуха молчанье...»

В душном воздуха молчанье,
Как предчувствие грозы,
Жарче роз благоуханье,
Резче голос стрекозы...

Чу! за белой, дымной тучей
Глухо прокатился гром;
Небо молнией летучей
Опоясалось кругом...

Некий жизни преизбыток
В знойном воздухе разлит!
Как божественный напиток
В жилах млеет и горит!

Дева, дева, что волнует
Дымку персей молодых?
Что мутится, что тоскует
Влажный блеск очей твоих?

Что, бледнея, замирает
Пламя девственных ланит?
Что так грудь твою спирает
И уста твои палит?..

Сквозь ресницы шелковые
Проступили две слезы...
Иль то капли дождевые
Зачинающей грозы?..

1835

«Люблю глаза твои, мой друг...»

Люблю глаза твои, мой друг,
С игрой их пламенно-чудесной,
Когда их приподымешь вдруг
И словно молнией небесной
Окинешь бегло целый круг...

Но есть сильнее очарованья:
Глаза, потупленные ниц
В минуту страстного лобзанья,
И сквозь опущенных ресниц
Угрюмый, тусклый огонь желанья.

1836

«Еще томлюсь тоской желаний...»

Еще томлюсь тоской желаний,
Еще стремлюсь к тебе душой —
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой...

Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной везде, всегда,
Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда...

1848

«Не говори: меня он, как прежде, любит...»

Не говори: меня он, как прежде, любит,
Мной, как прежде, дорожит...
О нет! Он жизнь мою бесчеловечно губит,
Хоть вижу, нож в руке его дрожит.

То в гневе, то в слезах, тоскуя, негодуя,
Увлечена, в душе уязвлена,
Я стражду, не живу... им, им одним живу я —
Но эта жизнь!.. О, как горька она!

Он мерит воздух мне так бережно и скудно...
Не мерят так и лютому враг у...
Ох, я дышу еще болезненно и трудно,
Могу дышать, но жить уж не мог у.

<1850 >

Последняя любовь

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!

Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сиянье, —
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье.

Пусть скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство и безнадежность.

1850

«О, как убийственно мы любим...»

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!

Давно ль, гордясь своей победой,
Ты говорил: она моя...
Год не прошел – спроси и сведай,
Что уцелело от нея?

Куда ланит девались розы,
Улыбка уст и блеск очей?
Все опалили, выжгли слезы
Горячей влагою своей.

Ты помнишь ли, при вашей встрече,
При первой встрече роковой,
Ее волшебный взор, и речи,
И смех младенчески живой?

И что ж теперь? И где все это?
И долговечен ли был сон?
Увы, как северное лето,
Был мимолетным гостем он!

Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь ее она легла!

Жизнь отречения, жизнь страданья!
В ее душевной глубине
Ей оставались воспоминанья...
Но изменили и оне.

И на земле ей дико стало,
Очарование ушло...
Толпа, нахлынув, в грязь втоптала
То, что в душе ее цвело.

И что ж от долгого мученья
Как пепл, сберечь ей удалось?
Боль, злую боль ожесточенья,
Боль без отрады и без слез!

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!

1851

«Я очи знал, – о, эти очи...»

Я очи знал, – о, эти очи!
Как я любил их, – знает бог!
От их волшебной, страстной ночи
Я душу оторвать не мог.

В непостижимом этом взоре,
Жизнь обнажающем до дна,
Такое слышалось горе,
Такая страсти глубина!

Дышал он грустный, углубленный
В тени ресниц ее густой,
Как наслаждение, утомленный
И, как страдание, роковой.

И в эти чудные мгновенья
Ни разу мне не довелось
С ним повстречаться без волненья
И любоваться им без слез.

1851

«О, не тревожь меня укорой справедливой...»

О, не тревожь меня укорой справедливой!
Поверь, из нас из двух завидней часть твоя:
Ты любишь искренно и пламенно, а я —
Я на тебя гляжу с досадою ревливой.

И, жалкий чародей, перед волшебным миром,
Мной созданным самим, без веры я стою —
И самого себя, краснея, сознаю
Живой души твоей безжизненным кумиром.

1851

«Не раз ты слышала признание...»

Не раз ты слышала признание:
«Не стою я любви твоей».
Пускай мое она создание —
Но как я беден перед ней...

Перед любовью твоею
Мне больно вспомнить о себе —
Стою, молчу, благоговею
И поклоняюсь тебе...

Когда порой так умиленно,
С такою верой и мольбой
Невольно клонишь ты колени
Пред колыбелью дорогой,

Где спит она – твое рождение —
Твой безымянный херувим, —
Пойми ж и ты мое смирение
Пред сердцем любящим твоим.

1851

Предопределение

Любовь, любовь – гласит преданье —
Союз души с душой родной —
Их съединенье, сочетанье,
И роковое их слиянье,
И... поединок роковой...

И чем одно из них нежнее
В борьбе неравной двух сердец,
Тем неизбежней и вернее,
Любя, страдая, грустно млея,
Оно изнает наконец...

1851

«Она сидела на полу...»

Она сидела на полу
И грудю писем разбирала,
И, как остывшую золу,
Брала их в руки и бросала.

Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела,
Как души смотрят с высоты
На брошенное тело...

О, сколько жизни было тут,
Невозвратно пережитой!
О, сколько горестных минут,
Любви и радости убитой!..

Стоял я молча в стороне
И пасть готов был на колени,—
И страшно грустно стало мне,
Как от присущей милой тени.

1858

«Весь день она лежала в забытии...»

Весь день она лежала в забытии,
И всю ее уж тени покрывали.
Лил теплый летний дождь – его струи
По листьям весело звучали.

И медленно опомнилась она,
И начала прислушиваться к шуму,
И долго слушала – увлечена,
Погружена в сознательную думу...

И вот, как бы беседуя с собой,
Сознательно она проговорила
(Я был при ней, убитый, но живой):
«О, как все это я любила!»

Любила ты, и так, как ты, любить —
Нет, никому еще не удавалось!
О господи!.. и это пережить...
И сердце на клочки не разорвалось...

1864

«Я встретил вас – и все былое...»

К.Б.

Я встретил вас – и все былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое —
И сердцу стало так тепло...

Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то вострепнется в нас,—

Так, весь обвеян дуновеньем
Тех лет душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты...

Как после вековой разлуки,
Гляжу на вас, как бы во сне,—
И вот – слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне...

Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь,—
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..

1870

**Николай Степанович ГУМИЛЁВ
(1886–1921)**
**Русский поэт, представитель Серебряного
века, переводчик, литературный
критик, создатель школы акмеизма**

«С тобой я буду до зари...»

С тобой я буду до зари,
Наутро я уйду
Искать, где спрятались цари,
Лобзавшие звезду.

У тех царей лазурный сон
Заткал лучистый взор;
Они – заснувший небосклон
Над мраморностью гор.

Сверкают в золоте лучей
Их мантий багрецы,
И на седирах их кудрей
Алмазные венцы.

И их мечи вокруг лежат
В камнях дорогих,
Их чутко гномы сторожат
И не уйдут от них.

Но я приду с мечом своим;
Владеет им не гном!
Я буду вихрем грозным,
И громом, и огнем!

Я тайны выпытаю их,
Все тайны дивных снов,
И заключу в короткий стих,
В оправу звонких слов.

Промчится день, зажжет закат,
Природа будет храм,
И я приду, приду назад,
К отворенным дверям.

С тобою встретим мы зарю,

Наутро я уйду,
И на прощанье подарю
Добытую звезду.

1905

Отказ

Царица – иль, может быть, только печальный ребенок,
Она наклонялась над сонно-вздыхающим морем,
И стан ее, стройный и гибкий, казался так тонок,
Он тайно стремился навстречу серебряным взорам.

Сбегающий сумрак. Какая-то крикнула птица,
И вот перед ней замелькали на влаге дельфины.
Чтоб плыть к бирюзовым владеньям влюбленного принца,
Они предлагали свои глянцевитые спины.

Но голос хрустальный казался особенно звонок,
Когда он упрямо сказал роковое: «Не надо»...
Царица, иль, может быть, только капризный ребенок,
Усталый ребенок с бессильною мукою взгляда.

1907

Заклинание

Юный маг в пурпуровом хитоне
Говорил нездешние слова,
Перед ней, царицей беззаконий,
Расточал рубины волшебства.

Аромат сжигаемых растений
Открывал пространства без границ,
Где носились сумрачные тени,
То на рыб похожи, то на птиц.

Плакали невидимые струны,
Огненные плавали столбы,
Гордые военные трибуны
Опускали взоры, как рабы.

А царица, тайное тревожа,
Мировой играла крутизной,
И ее атласистая кожа
Опьяняла снежной белизной.

Отданный во власть ее причуде,
Юный маг забыл про все вокруг,
Он смотрел на маленькие груди,
На браслеты вытянутых рук.

Юный маг в пурпуровом хитоне
Говорил, как мертвый, не дыша,
Отдал все царице беззаконий,
Чем была жива его душа.

А когда на изумрудах Нила
Месяц закачался и поблек,
Бледная царица уронила
Для него алеющий цветок.

1907

Перчатка

На руке моей перчатка,
И ее я не сниму,
Под перчаткою загадка,
О которой вспомнить сладко
И которая уводит мысль во тьму.

На руке прикосновенье
Тонких пальцев милых рук,
И как слух мой помнит пенье,
Так хранит их впечатление
Эластичная перчатка, верный друг.

Есть у каждого загадка,
Уводящая во тьму,
У меня – моя перчатка,
И о ней мне вспомнить сладко,
И ее до новой встречи не сниму.

1907

Свидание

Сегодня ты придешь ко мне,
Сегодня я пойму,
Зачем так странно при луне
Остаться одному.

Ты остановишься, бледна,
И тихо сбросишь плащ.
Не так ли полная луна
Встает из темных чащ?

И, околдованный луной,
Окованный тобой,
Я буду счастлив тишиной,
И мраком, и судьбой.

Так зверь безрадостных лесов,
Почуявший весну,
Внимает шороху часов
И смотрит на луну,

И тихо крадется в овраг
Будить ночные сны,
И согласует легкий шаг
С движением луны.

Как он, и я хочу молчать,
Тоскуя и любя,
С тревогой древнею встречать
Мою луну, тебя.

Проходит миг, ты не со мной,
И снова день и мрак,
Но, обожженная луной,
Душа хранит твой знак.

Соединяющий тела
Их разлучает вновь,
Но, как луна, всегда светла
Полночная любовь.

1909

Сомнение

Вот я один в вечерний тихий час,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.